

Ю. В. Бромлей

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Среди сформулированных в документах XXV съезда основных задач, стоящих перед общественными науками, немало таких, которые непосредственно касаются этнографии. Сюда относится прежде всего углубленное изучение проблем зрелого социализма, формирования нового человека, развития социалистического образа жизни, современных национальных процессов¹.

Совершенно очевидно, что все эти задачи должны решаться этнографией совместно с другими научными дисциплинами, изучающими современность. Поэтому особое значение приобретает определение места и роли этнографической науки в такого рода исследованиях.

Необходимость выявления специфики этнографического изучения современных высокоразвитых стран уже неоднократно отмечалась в этнографической литературе. Соответствующие изыскания немало способствовали изучению этой специфики². Вместе с тем дальнейшая разработка методологических проблем этнографической науки, а также накопление опыта этнографического изучения современности неизбежно выдвигают новые задачи, связанные с определением характерных черт этого изучения.

Известно, что в минувшую пятилетку изучение современной жизни как народов СССР, так и народов зарубежных стран занимало одно из центральных мест в работе советских этнографов. Это изучение, будучи само по себе достаточно результативным³, в то же время выявило ряд вопросов, касающихся этнографического подхода к современности. Попытка обобщенного освещения некоторых из этих вопросов, относящихся главным образом к этнографическому изучению народов СССР, и предпринимается в данной статье.

Начинать при этом приходится с уточнения исходных терминологических позиций. И сколь бы тривиальным ни казалось такое уточнение, оно необходимо, ибо от него во многом зависит понимание тех специфических задач, которые встают перед этнографами при изучении современности.

Прежде всего мы имеем в виду само слово «современность». Семантика его достаточно широка. Когда, в частности, речь идет об этнографической науке, то относящимися к современности в известном смысле могут быть названы все исследования в этой области, которые ведутся в наше время, независимо от того, изучается ли в таком случае прошлое или настоящее. Однако очевидно, что когда мы говорим об изучении современности, то относим слово «современный» не к процессу и резуль-

¹ См. «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 72—73, 213—214.

² См., например, С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. — «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1967, № 5.

³ См., например: «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973; «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975; «Национальные проблемы Канады». М., 1972; «Национальные процессы в США». М., 1973. См. также работы, указанные в сн. 9.

татам познания, а к его объекту. Отсюда следует, что надо различать два понятия — «этнография современности» и «современная этнография». Второе понятие значительно шире первого. Правда, и в первом случае возможно двоякое толкование «современности». Известно, что современные явления могут изучаться для реконструкции прошлого, и такого рода ретроспективная направленность исследований весьма часто встречается в этнографии. Наряду с этим, однако, этнографами ведутся также исследования, рассматривающие современность как живую, функционирующую действительность. Совершенно очевидно, что именно в последнем случае мы имеем дело с этнографическими исследованиями современности в прямом смысле данного слова.

Другое слово, требующее внимания в связи с рассматриваемой темой, — термин «этнография». Расхождения в понимании семантики этого термина общеизвестны. В той или иной степени они имеют место среди ученых всех стран. Для примера сошлемся на недавно вышедший сборник «Этнография в странах социализма». В работе над ним принимали участие не только советские этнографы, но и представители этнографической науки социалистических стран Европы и Азии. Как свидетельствует материал этого сборника, во многих социалистических странах представление о профиле и задачах этнографической науки совершенно различно. Более того, сама этнографическая наука имеет в разных странах различные названия. А в некоторых случаях то, что мы называем этнографией, именуется фольклористикой. В частности, в Венгрии традиционную духовную культуру в целом, включая обычаи, обряды, изучает фольклористика. Этнография же здесь по существу долгое время занималась изучением преимущественно материальной культуры. Сейчас, правда, ситуация меняется, однако не везде. Например, в ГДР до сих пор дает о себе знать прежнее деление этнографической науки на две ветви *Volkskunde* и *Volkerkunde* — изучение своего народа и изучение чужих народов⁴.

Нельзя не упомянуть и наличие двух противоположных тенденций в понимании профиля этнографической науки в целом, которые в определенной мере затронули и нашу страну. С одной стороны, это тенденция к сужению предметной области этнографии, представление о том, что этнография изучает отставшие в своем развитии малые народы, а если и исследуются высокоразвитые общества, то внимание сосредотачивается преимущественно на архаических компонентах культуры. Эта тенденция в нашей науке отчетливо сказалась в начале тридцатых годов, когда, по существу, изучение современности было прекращено. Несколько раньше довольно четко проявилась у нас в стране тенденция превратить этнографию в некую супердисциплину, во всеохватывающую и всеобъемлющую науку по изучению человеческого общества. Внешне это выразилось в создании в двадцатые годы в Московском Государственном университете Этнологического факультета, который чуть ли не поглотил преподавание всех остальных гуманитарных дисциплин. Он просуществовал очень недолго; кстати, с прекращением его деятельности у нас исчез из обихода и термин «этнология».

Приведенные примеры — наиболее яркое проявление двух противоположных тенденций в прошлом. Но эти тенденции в какой-то мере дают о себе знать и до сих пор. Некоторые ученые (особенно это характерно для ученых, работающих в смежных областях науки: археологов, литературоведов и др.) под этнографией все еще подразумевают науку, которая занимается изучением лишь архаики. Показательно, например, что литературоведы термином «этнографизм» нередко обозначают архаические явления быта.

⁴ См. «Этнография в странах социализма (Очерки развития науки)». М., 1975.

Вместе с тем довольно широко распространено мнение, согласно которому этнография должна всесторонне изучать современную культуру и быт народов. Именно в этой связи приходится вновь возвращаться к определению предметной области этнографических исследований⁵. Ведь от такого определения во многом зависит решение вопроса о соотношении этнографии и других дисциплин при изучении современного общества. Каковы же критерии для ее размежевания с ними, а стало быть и для кооперации?

Наиболее распространено мнение, что этнография изучает народную культуру. Но что же такое народная культура? Вот тут-то и начинаются сложности, ибо само слово «народ» чрезвычайно многозначно, что неизбежно приводит к расхождениям. К тому же народную культуру изучают и многие другие дисциплины, а не только этнография, в частности, различные отрасли искусствоведения и фольклористика, которую, правда, иногда включают как составную часть в этнографическую науку. То же самое следует сказать и о мнении, будто предмет этнографии составляет быт или бытовая культура.

Встречается у этнографов и еще одно определение предметной области своей науки; впрочем, оно, пожалуй, особенно характерно для понимания специфики этой науки археологами. Сравнительно недавно в Ленинграде проходил симпозиум, посвященный культуроведческим аспектам археологии и этнографии⁶. Выступавшие на нем археологи, пытаясь сопоставить задачи археологии и этнографии, все время подчеркивали, что главный критерий для этнографии — метод непосредственного наблюдения. И действительно, такой метод очень широко распространен в этнографии, он является одним из ее важнейших исследовательских методов. Но, во-первых, этим методом пользуются и другие научные дисциплины; во-вторых, — и это, может быть, еще существенней, — этнографы оперируют не только данными, полученными путем непосредственных наблюдений, но и анкетными материалами, историческими источниками и, в конечном счете, теми же археологическими и антропологическими данными, когда, скажем, изучаются проблемы этногенеза и т. п.

Иногда утверждают, что предметная область этнографии определяется совокупностью соответствующей проблематики. При этом указывается широкий круг проблем, начиная от вопросов этногенеза и кончая различными аспектами современности, которые действительно разрабатываются этнографами. Но как же определяются сами эти проблемы, каковы критерии их отбора? Оказывается, что в общем это либо просто практика, либо даже произвольный подбор. Между тем общеизвестно, что предметная область любой науки выделяется не произвольно, а в соответствии с определенными свойствами изучаемого объекта.

Однако о том, каков объект этнографии, в разное время существовали разные точки зрения. Эволюционисты, например, в свое время считали объектом этнографии человека, диффузионисты — культуру. В советской этнографии, да и в этнографической науке многих других стран, уже давно широко распространено мнение, что объектом исследования этнографии являются народы. Кстати, это отражено в самом названии дисциплины, именуемой «этнографией», т. е. наукой, изучающей этносы. Не даром ее у нас некогда называли «народоведением». Если исходить из такого понимания объекта этнографии, то станет очевидным, что ее предметная область должна определяться характерными свойствами этносо-народов как основных объектов нашей науки.

Но какие же свойства этносов отличают эти общности людей от других общностей? Это прежде всего наличие определенных общих черт и

⁵ См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 206 и сл.; *его же*. Современная этнография и ее перспективы. — В сб. «Будущее науки», М., 1975, с. 253 и сл.

⁶ См. А. Н. Кожановский. Симпозиум «Культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований». — СЭ, 1975, № 3.

дифференцирующих, отличительных признаков. Все эти этноинтегрирующие и этнодифференцирующие свойства и дают, на мой взгляд, исходные критерии для определения предметной области этнографии⁷. И если посмотреть под этим углом зрения на объект нашей науки, то нетрудно заметить, что носителем этнодифференцирующих свойств выступает та часть культуры, которую можно назвать традиционно-бытовой.

Понятие «традиционно-бытовая культура» примерно соответствует тому, что обычно называют народной культурой. Однако первое название более точно, ибо оно позволяет, с одной стороны, разделить культуру на профессиональную и бытовую сферы, а с другой, — разграничить саму бытовую культуру на сферу меняющуюся, подвижную, и на сферу сравнительно статичную, традиционную. Такое разграничение важно потому, что именно в традиционной части повседневной, бытовой культуры обычно сосредоточена основная этническая специфика этносов-народов. Наша наука практически всегда в первую очередь и изучала этот слой культуры: традиционную материальную культуру, обычаи, обряды, народное творчество, т. е. те компоненты, в которых наиболее наглядно проявляется этническая специфика.

Для определения характерных черт этнографического изучения современности, однако, непременно следует иметь в виду, что традиционно-бытовому слою культуры, представляющему ядро предметной области этнографии, на разных ступенях общественного развития принадлежит далеко не одинаковая роль. Более того, различны и временные параметры традиций: в одних случаях это преимущественно давние архаические, в других — новые, формирующиеся традиции.

В доклассовых и раннеклассовых обществах архаический традиционнo-бытовой слой почти полностью охватывает культуру. Этим и объясняется тот уже давно признанный факт, что у оставших в своем развитии бесписьменных народов этнография изучает культуру целиком: от способов ведения хозяйства до религиозных верований и языка. К тому же, в силу присущего таким народам синкретизма общественной жизни, в поле зрения этнографов неизбежно оказывается и вся социальная сфера их жизни, так называемая «соционормативная» культура.

В классовых социально-экономических формациях существенно меняется содержательная сторона объекта этнографических исследований. Он становится чрезвычайно сложным, многогранным. В результате развития производительных сил отдельные сферы общественной жизни получают значительную обособленность. Происходит специализация в области экономики, разделение сфер производства и потребления, особенно усилившееся в эпоху капитализма. Усложняется социальная структура. Исчезает былой синкретизм в области культуры, дифференцируются ее виды. Появляются глубокие различия в образе жизни классов и социальных групп, сельских и городских жителей, между бытовой и профессиональной культурой.

Огромное воздействие на этнические общности оказывает научно-техническая революция. Правда, воздействие это имеет двоякий характер. С одной стороны, оно способствует выравниванию культурного уровня этнических общностей, взаимопроникновению культур, их стандартизации и унификации, а с другой, — в силу ряда обстоятельств, в том числе благодаря развитию средств массовой информации, вызывает усиление этнического самосознания у самых широких масс населения. А это в свою очередь оказывает обратное воздействие на духовную культуру, придавая этническую значимость тем ее компонентам, которые прежде имели таковую лишь в самой малой степени или совсем не выполняли этнических функций. Вообще по мере распространения различных стандартизированных форм профессиональной культуры этническая специфика у

⁷ Подробнее см. Ю. В. Бромлей. *Этнос и этнография*, с. 207—213.

современных народов из сферы материальной культуры постепенно перемещается в сферу духовной. Нельзя не учитывать и возникновения новых традиций, в том числе в сфере повседневно-бытовой культуры. Вместе с тем в промышленно развитых странах все большую этническую роль начинает играть профессиональная духовная культура, особенно в тех случаях, когда ее достижения проникают в быт народа. В результате у народов развитых стран основные этнические функции уже выполняют не столько остатки архаики, сколько сложившиеся на бытовом уровне новые сравнительно устойчивые компоненты духовной культуры, которые, впрочем, нередко включают, хотя и в модифицированном виде, элементы давних традиций⁸.

Одним словом, основные объекты этнографической науки — этносы, одна из характерных черт которых — сравнительная устойчивость — в современных условиях становятся весьма динамичными. Соответственно в качестве одной из главных задач этнографической науки выдвигается изучение динамики современных этнических систем, т. е. современных этнических процессов. Именно поэтому данная проблематика в последнее время начинает занимать центральное место в исследовательской деятельности советских этнографов. Основное внимание при этом, как уже говорилось, уделяется этническим процессам, происходящим в нашей многонациональной стране. Вместе с тем советские этнографы, разумеется, не могут не реагировать и на то, что происшедшие в послевоенный период огромные экономические, социальные и политические перемены во всем мире, особенно в странах Азии, Африки и Латинской Америки, повлекли за собой, как известно, резкую активизацию национальных, этнических процессов. И сейчас уже можно констатировать определенные сдвиги в изучении конкретного хода этих процессов⁹.

В целом же исследования в данной области немало способствовали разработке типологии этнических процессов вообще и современных их проявлений в частности. Прежде всего выяснилась необходимость выделения двух основных разновидностей этнических процессов, отражающих особенности проявления этих процессов в различных сферах этноса. Одна из них выражается в конечном счете в изменении этнического самосознания у людей, входящих в те или иные этносы. Такие процессы мы называем этнотрансформационными, поскольку они связаны с переходом из одного этнического состояния в другое. Вторую разновидность представляют этноэволюционные процессы, выражающиеся в значительном изменении любого из основных параметров этноса, хотя бы это и не вело непосредственно к перемене этнического самосознания.

Основным объективным содержанием таких этнических процессов является изменение культурной специфики этнических общностей.

Учитывая наличие двух форм существования этнических явлений, одна из которых выражена этносом в узком смысле слова, другая — этносоциальным организмом, представляется важным различать собственно этнические и этносоциальные процессы. К первым относятся изменения в сфере этнического, ко вторым — также разнообразные преобразования в социально-экономических и политико-идеологических сферах жизни людей, входящих в те или иные этносы, например, коллективизация сельского хозяйства или создание национальных промышленных кадров. Основной разновидностью современных этносоциальных процессов являются национальные процессы, понимаемые как изменения, касающиеся и социально-экономических, и этнокультурных компонентов на-

⁸ См. Ю. В. Бромлей. *Этнос и этнография*, с. 210 и сл.

⁹ См., например: «Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике». М., 1974; «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии». М., 1974; «Этнические процессы в странах Южной Азии». М., 1976.

¹⁰ См. «Современные этнические процессы», с. 16—17.

Соответственно этнографическое изучение современных национальных процессов предполагает не только выявление изменений собственно этнических параметров наций, но и раскрытие зависимости этих изменений от их социально-экономической динамики. И в этой связи приобретает особое значение вопрос о взаимоотношениях этнографии с социологией при изучении современности.

Выступая в послевоенные годы по существу пионерами в деле изучения современного образа жизни, культуры и быта, советские этнографы, естественно, стремились охарактеризовать все стороны, все компоненты этих явлений, не разграничивая их этнических и социальных функций. Между тем хорошо известно, что многие параметры образа жизни (например, уровень материального быта, образования, обеспеченности средствами массовой информации и т. д.) являются важнейшими показателями социального развития общества. Уделяя значительное внимание этим показателям, этнография попутно выполняла функции конкретной социологии. Однако по мере развертывания в нашей стране конкретно-социологических исследований становилось все более очевидным, что изучение социальных параметров культуры является доменом именно этой дисциплины, а не этнографии. Наглядным примером этого может служить вышедшая в 1972 г. книга Л. А. Гордона и Э. В. Клопова «Человек после работы», имеющая весьма показательный подзаголовок «Социальные проблемы быта и вне рабочего времени». Появление подобных работ позволяет этнографам сосредоточиться на решении собственных познавательных задач в изучении современных этносов. Вместе с тем, поскольку для понимания сущности современных национальных процессов чрезвычайно важным является раскрытие взаимосвязи собственно социальных и этнических аспектов этих процессов, особое значение для их изучения приобретает кооперация усилий этнографии и конкретной социологии. Именно этим и обусловлено активное развертывание в недавнее время этносоциологических исследований современности. Речь идет о пограничной дисциплине, которую можно рассматривать как подраздел, с одной стороны, этнографии, с другой, — социологии. Ее предметную область составляет изучение взаимодействия социально-классовых и этнических явлений. При этом этносоциологические исследования можно расщепить на два взаимосвязанных направления: изучение социальных процессов в разных этнических средах и этнических процессов в отдельных социальных группах. Оба направления, как мы видим, представляют пересечение процессов и структур. Конечная задача исследований первого направления — выявление путем сравнительного анализа воздействия различных этнических сред на ход социальных процессов. Основная цель исследований второго направления — установить зависимость этнических изменений от социальных факторов.

Представляется необходимым также подчеркнуть, что исследование носит этносоциологический характер лишь тогда, когда изучается взаимосвязь этнического и социального в узком значении этого слова. Дело в том, что все еще очень часто «этносоциологическим» называют всякое исследование, в котором применяются методы массового анкетирования. Действительно, этносоциология, сосредотачиваясь на изучении современных промышленно развитых народов, неизбежно стремится широко использовать методику и технику исследований, разработанную в социологических и психологических науках для анализа взаимоотношений людей в современном обществе. Но по тем же причинам методы, получившие распространение в конкретной социологии, начинают проникать и в «собственно» этнографические исследования современности. Наряду с проведением анкетных обследований советские этнографы все шире используют статистические данные ЦСУ, загсов, милиции и т. д., машинные методы обработки материалов, применяют, а в необходимых случаях разрабатывают совместно с математиками новые приемы сопоставления

количественных показателей. Такая методика, состоящая в тесном сочетании полевых и массовых статистических материалов, представляется весьма перспективной, поскольку она дополняет непосредственные наблюдения необходимыми элементами любой науки — числом и мерой. Но, повторяю, такая методика не меняет того факта, что исследования, в которых уделяется внимание лишь этнокультурным аспектам, являются этнографическими, а не этносоциологическими. А это в свою очередь значит, что в действительности этнографических работ, посвященных современности, больше, чем мы привыкли считать, ибо многие из них ошибочно именуется этносоциологическими только потому, что в них применяется анкетирование. В свою очередь представляется достаточно очевидным, что если не во всех, то во всяком случае в большинстве этнографических работ по современности не обойтись без специального сбора массовых данных. Необходимо лишь не допускать при этом механического перенесения в собственно этнографическое исследование методов, применяемых социологами. Надо критически, творчески осваивать эти методы, иначе легко попасть впросак.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что ни сама этносоциология, ни характерные для нее методы не могут заменить собственно этнографического исследования современности. Прежде всего это относится к центральной зоне предметной области этнографии современности — к образу жизни народов, их бытовой культуре, и соответственно к культурно-бытовым процессам. При ее изучении, однако, нельзя забывать об основных познавательных задачах этнографии. Мы имеем в виду, с одной стороны, выявление этнического своеобразия современного образа жизни, бытовой культуры народов СССР, с другой, — раскрытие характерных черт советского образа жизни, общесоветской культуры.

Советский образ жизни, общесоветская культура являются, как известно, важнейшими компонентами новой исторической общности — советского народа. Поэтому их изучению сейчас уделяет пристальное внимание целый ряд обществоведческих дисциплин, особенно экономика и социология. Но у этнографии есть свои аспекты изучения данной проблематики. И они в данном случае, как и в других, относятся к диалектике общего и особенного. Уже опубликован ряд статей, освещающих общесоветские и национально-особенные черты в современном образе жизни народов СССР¹¹. Но это, разумеется, только начало. В свете материалов XXV съезда КПСС надлежит развернуть широкие исследования этнокультурных аспектов современного образа жизни народов СССР. Для реализации этой темы в масштабах всей страны, несомненно, потребуются разработать ряд методических вопросов (программу и методику сбора материалов). Необходимо в данной связи уделить внимание и некоторым методологическим проблемам. В частности, представляется существенным отметить, что основной сферой этнографических исследований при изучении образа жизни, очевидно, остается современная бытовая культура. Однако ее рассмотрение как составной части образа жизни требует от исследователя выдвижения на передний план главным образом функционирующих частей этой культуры, ее поведенческих слоев, т. е. бытовой культуры в действии. Определенная же часть этой культуры, особенно если она не актуализирована, не вовлечена в повседневную жизнедеятельность, выступает не как непосредственная составляющая образа жизни, а лишь в качестве его, так сказать, внешнего условия. Соответственно речь может идти, например, не вообще о существующей культуре, а об ее использовании в повседневной деятельности людей.

Следует учитывать и необходимость дифференцированного подхода к таким близким, но все же не тождественным понятиям, как общесовет-

¹¹ См., например: Г. Е. Марков. Советский образ жизни и проблемы этнографии. — СЭ, 1976, № 2; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — СЭ, 1976, № 3.

ская культура и культура народов СССР (соответственно общесоветский образ жизни и образ жизни народов СССР). При этом речь идет не о противопоставлении данных понятий, а лишь о некоторых, для этнографии далеко не безразличных нюансах, связанных с разграничением общего и особенного. Если в первом случае имеется в виду то типичное, что характерно для культуры (образа жизни) всех народов СССР, т. е. советского народа в целом, то во втором — уже культура (образ жизни) всех народов нашей страны во всем ее объеме.

Задача всесторонней характеристики этносов-народов может быть решена лишь на основе специального исследования всех их компонентов, в которых проявляется этническая специфика. Поэтому для этнографического изучения современных этносов немалое значение приобретает определение основных конкретных зон такого изучения. Это тем более существенно, что при практическом решении данной задачи нередко на понимание профиля этнографического изучения современности переносятся представления, сформировавшиеся применительно к объектам, слабо затронутым или вовсе не затронутым процессами научно-технической революции и урбанизации. В рассматриваемой связи, в частности, весьма показательно, что в этнографии современности значительное внимание обычно уделяется материальной культуре. Между тем, как уже говорилось, по мере индустриализации этнические функции материальной культуры все более сужаются. Дело в том, что данная сфера особенно тесно связана с прогрессом производительных сил, сопровождающимся распространением стандартизированных фабрично-заводских изделий. Это явление не представляет какую-то особенность нашей страны; оно наблюдается во многих странах мира. В то же время в сфере материальной культуры наряду с процессом нивелировки, стандартизации имеет место и процесс взаимопроникновения ее отдельных национальных элементов. Проведенные исследования показывают также, что развитие однородности в различных сферах материальной культуры протекает по-разному в зависимости от степени их связи с техническим прогрессом, природных и хозяйственных факторов, а также от того, насколько та или иная сторона материальной культуры переплетается с идеологией народа, в частности, с этническим самосознанием.

Наиболее интенсивно унификация протекает в сфере орудий труда и транспорта. Существенно продвинулась интеграция и в таких областях материальной культуры, как поселения (особенно в связи с их реконструкцией) и жилище (городское и частично сельское). Значительна роль фабричных изделий общесоюзного типа в унификации одежды, хотя в отдельных регионах формируются новые типы, основанные на местных традициях, которые проявляются в цветовой гамме, в выборе фасонов, способах ношения и т. п. Большой устойчивостью отличается традиционное бытовое употребление предметов материальной культуры, в том числе даже тех стандартизированных изделий, которые функционально заменили старинную утварь. Наименее подвержена стандартизации пища, устойчиво отражающая традиционные вкусы, выработанные многими поколениями, хотя и в этой сфере идет интенсивный процесс взаимообогащения культур, чему немало содействуют учреждения общественного питания¹².

Поскольку этническая специфика в сфере материальной культуры сохраняется, как правило, в издавна сложившихся компонентах, постольку их изучение и имеет преимущественное отношение к познавательным задачам этнографии. Вместе с тем ограничение только такими компонентами чревато не только игнорированием появления отдельных новых черт в данной сфере, но и опасностью архаизации современной действительности. Чтобы избежать этого, необходимо в подобных случаях указывать

¹² См. «Современные этнические процессы», с. 156—258.

масштабы распространения старых форм традиционной культуры и их соотношения с новыми индустриальными формами.

Но одних количественных показателей, разумеется, при этом недостаточно. Следует иметь в виду, что традиции, как известно, не просто «живая старина» — они представляют органическую составную часть современной культуры, теснейшим образом переплетены с инновациями, нередко придавая им специфический этнический колорит. Этим и обусловлена уже давно поставленная перед этнографией современности задача изучения взаимоотношения традиций и инноваций, присущего именно данной этнической или историко-этнографической общности. Последний вид общностей в рассматриваемой связи особенно важно учитывать, поскольку в современных условиях для многих сфер материальной культуры характерно складывание региональных черт, относящихся к целой группе этносов, т. е. к историко-этнографической области или даже историко-этнографической провинции¹³.

Недавно на страницах «Советской этнографии» было вновь обращено внимание на необходимость этнографического изучения современного производственного быта, в первую очередь быта рабочих. При этом в обоснование данной познавательной задачи приводилось два основных аргумента. Во-первых, указывалось, что «традиционное крестьянское сельское производство (так же, как и кустарное) всегда справедливо считалось одной из составных частей культуры народа, а его особенности — естественными элементами этнической характеристики». Во-вторых, подчеркивалось, что «производственная жизнь рабочих разных стран до настоящего времени имеет свои особенности, сравнительное исследование которых может дать дополнительные штрихи к этническим характеристикам»¹⁴. Таким образом, перед нами апелляция как к историческому опыту самой этнографии, так и к этническим особенностям. Этот последний аргумент представляется весьма убедительным. Однако важно, чтобы он не оставался достоянием лишь общетеоретических рассуждений, а неуклонно проводился в конкретных этнографических исследованиях. В связи с рассматриваемой проблемой нельзя также не обратить внимания на то, что современные этнические процессы протекают и в селе, и в городе, причем в последнем более интенсивно. Тем не менее при этнографическом изучении современности обычно большее внимание уделяется как раз селу, особенно в тех случаях, когда исследуются культурно-бытовые процессы. И хотя уже не раз отмечались правомерность и необходимость этнографического изучения современной городской жизни, однако соответствующие исследования разворачиваются пока недостаточно интенсивно.

Весьма своеобразно сложилось отношение этнографии к такому важнейшему компоненту этноса, как язык. В специальных этнографических исследованиях язык сравнительно редко выступает в качестве предмета всестороннего анализа. В основном это касается языков бесписьменных народов, что, несомненно, связано с особенностями этнографического подхода к этим народам. Изучением же языков народов, обладающих письменностью, почти целиком занимается лингвистика. Между тем необходимость пристального внимания этнографов к изучению этнических функций языков представляется бесспорной. Это особенно важно применительно к современности, ибо если в прошлом соотношение языка и этноса было обычно стабильным, то в наше время существенные изменения в языковых параметрах этносов — явление распространенное. В частности, во весь рост встает задача изучения языкового взаимодействия

¹³ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов в СССР. — СЭ, 1961, № 4, с. 20—22; И. С. Гурвич. Современные направления этнических процессов в СССР. — СЭ, 1972, № 4, с. 28.

¹⁴ Н. В. Юхнева. Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения. — СЭ, 1975, № 1, с. 18.

этносов и прежде всего возникновения в результате этого взаимодействия билингвизма, приобретающего, как известно, в нашей стране колоссальные масштабы. Без активного участия этнографов вряд ли также возможно сколько-нибудь полное раскрытие взаимосвязи языка с другими компонентами этноса, в том числе влияние билингвизма на традиционную бытовую культуру и этническое самосознание, а также раскрытие такого своеобразного феномена, как культурное двуязычие¹⁵.

Особого внимания этнографов при изучении современности заслуживают такие компоненты духовной культуры, как обычаи и обряды. При этом следует иметь в виду, что новые обряды нередко включают некоторые элементы традиционной обрядности, а традиционные — сами претерпевают существенные изменения. Нередко в процессе модификации традиционной обрядности наблюдается тенденция к созданию обряда, сокращенного в числе своих звеньев до разумного минимума. Связь с этнической традицией в новых обрядах выражается в национальных песнях, музыке (которые исполняются наряду с общесоветскими), в танцах, национальных видах спорта, в приготовлении национальных блюд, а также в сохранении некоторых элементов старинных обрядовых действий, совершенно утеревших свой прежний смысл и воспринимающихся как добрые пожелания или как игровой символический момент¹⁶. Одним словом, выявление этнической специфики обрядов требует их всестороннего анализа. В тех же случаях, когда речь идет о проявлении в сфере обрядов процессов межэтнической интеграции весьма существенно разграничивать обряды интернациональные в планетарном масштабе и общесоветские.

Одной из подсистем этноса, издавна привлекающих внимание этнографов, является народное художественное творчество. При этнографическом изучении этого творчества вообще, в том числе и применительно к современности, прежде всего встает вопрос о взаимоотношении такого изучения с искусствоведческим. Для размежевания этих дисциплин общее основание, на наш взгляд, дает выполнение каждым видом народного художественного творчества и эстетических, и этнических функций¹⁷.

В современных условиях, как известно, многие традиционные виды художественного творчества переживают возрождение, связанное, правда, с некоторой их профессионализацией. В частности, все более широким спросом в нашей стране (как и во всем мире) стали пользоваться в последнее время изделия народных художественных промыслов. Такие изделия, как правило, сохраняют этническую специфику, связанную с передачей традиций художественного мастерства, сложившегося в рамках соответствующего этноса. Вместе с тем они все шире распространяются по стране, проникая в повседневный быт всех советских народов. Они могут использоваться полифункционально или лишь эстетически, так или иначе способствуя процессам межэтнической интеграции¹⁸.

Заслуживает внимания и отражение современных этнических процессов в различных «неовещественных» видах народного художественного творчества, в частности в народном танцевальном искусстве. Танцевальная культура — одна из наиболее устойчивых форм народного искусства. Прямая передача традиций этой культуры от поколения к поколению

¹⁵ См., например: *М. Н. Губогло. Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе.* — «История СССР», 1970, № 6; *К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.* — СЭ, 1972, № 3; *С. И. Брук, М. Н. Губогло. Двуязычие и сближение наций в СССР (По материалам переписи населения 1970 г.).* — СЭ, 1975, № 4; *их же. Факторы распространения двуязычия у народов СССР (По материалам этносоциологических исследований).* — СЭ, 1975, № 5.

¹⁶ См. *Н. П. Лобачева. О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения).* — СЭ, 1973, № 4, с. 14—24.

¹⁷ См. *Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография*, с. 223—225.

¹⁸ «Современные этнические процессы в СССР», с. 419—420.

дает возможность выявить не только особенности традиционного танца каждого из народов в прошлом, но и проследить пути взаимосвязи хореографических культур различных локальных групп и народов, констатировать исчезновение былой замкнутости этих культур на современном этапе.

Развитие и обогащение художественной сокровищницы советского общества, как отмечено в программе КПСС, достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства¹⁹. Это особенно наглядно проявляется в области хореографии. Тесное переплетение профессионального сценического искусства, художественной самодеятельности и народного традиционного искусства — одна из характерных черт развития современной хореографической культуры²⁰.

Тенденция ко все большей профессионализации народного художественного творчества, а главное лавинообразное возрастание роли профессиональных форм художественной культуры в общем культурном фонде советских людей выдвигает перед нашей наукой чрезвычайно важный вопрос: изучать ей или не изучать профессиональные формы художественной культуры? Обычно в этой связи этнографы ограничиваются ссылками на то, что современная профессиональная культура исследуется целым комплексом специальных дисциплин — литературоведением и различными отраслями искусствоведения. Но ведь и традиционное художественное творчество изучается этими дисциплинами, что не исключает его изучения этнографией. Стало быть, и в интересующей нас связи ссылок на наличие специальных дисциплин явно недостаточно. Представляется, что как и во всех других случаях, когда выясняются познавательные задачи этнографии, применительно к современной профессиональной художественной культуре основным критерием при определении этих задач должно служить выполнение ее компонентами этнических функций. Между тем общеизвестно, что этническое (или, как мы привыкли чаще говорить, национальное) своеобразие современной художественной культуры народов СССР (как и других современных народов) не сводится лишь к наследию прошлого; оно в значительной мере является результатом нового профессионального творчества. Более того, многие компоненты профессиональной художественной культуры, даже приобретая интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах²¹. В то же время именно в сфере профессиональной культуры межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно. Словом, в этой сфере весьма отчетливо выступают две основные тенденции современных этносоциальных процессов в нашей стране — расцвета и дальнейшего сближения наций.

Стало быть, наличие в сфере профессиональной художественной культуры процессов, требующих внимания этнографии, несомненно. Необходимо лишь отграничить их этнографическое изучение от искусствоведческо-литературоведческого. Общее основание здесь, очевидно, должно быть то же, что и применительно к народному художественному творчеству: различение этнических и эстетических функций исследуемых явлений. Вместе с тем нельзя не учитывать, что внимание литературоведов и искусствоведов уже давно привлекают проблемы этнической (национальной) самобытности того или иного народа. Ими написано, в частности, немало работ о национальном и интернациональном в советской литературе и искусстве. В этих работах наряду с характеристикой национальных особенностей художественного творчества, как правило, основное

¹⁹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, с. 279.

²⁰ Подробнее см. М. Я. Жорницкая. Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР. — СЭ, 1975, № 3.

²¹ См. К. В. Чистов. Указ. раб., с. 81.

внимание уделяется отражению в этом творчестве этнических (национальных) явлений. Но произведения профессионального художественного творчества не только отражают свойства этнических общностей. При определенных условиях они сами в той или иной степени превращаются в неотъемлемые компоненты этноса, становясь достоянием основной массы его членов, проникая в их повседневный быт. Такое проникновение и обеспечивает реальное выполнение произведениями профессионального художественного творчества этнических функций. Тем самым определяется значение его исследования для понимания современных этнических процессов, а соответственно и познавательные задачи этнографии в данной области. Этнографам надлежит вплотную заняться разработкой этой проблематики и прежде всего проблемой массового потребления художественной культуры²².

При изучении современных этнических процессов весьма важно также иметь в виду, что на эти процессы непосредственно воздействует идеология, которая как совокупность политических, правовых, нравственных и других взглядов пронизывает все виды общественного сознания и общественных отношений. В нашей стране чрезвычайно большое значение для национальных процессов, в том числе их этнических аспектов, имеет такой важнейший компонент общественного сознания советских людей, как идеология пролетарского интернационализма. В общественном сознании всех советских людей все прочнее утверждается материалистическое мировоззрение, основу которого составляет марксизм-ленинизм. Влияние марксистско-ленинской идеологии на национальные отношения в СССР в целом уже в значительной степени освещено в нашей философской и исторической литературе. Однако для всестороннего и конкретного показа ее роли в происходящих в нашей стране современных этнических процессах, в частности, воздействия на этническое самосознание требуются дополнительные специальные исследования.

Как известно, становление и распространение материалистического марксистско-ленинского мировоззрения в нашей стране шло в борьбе против религии. В прошлом религиозная идеология оказывала значительное влияние на этнические процессы. За годы Советской власти социально-экономические преобразования, рост культуры и образования, развитие науки, коммунистическое, в том числе атеистическое, воспитание привели к массовому отходу от религии, что имело огромное значение для развития этнических процессов. В ряде случаев это отчетливо проявилось в процессах внутринациональной консолидации. Но особенно благотворно исчезновение прежней конфессиональной отчужденности сказалось на процессе межэтнической интеграции²³. Все это необходимо иметь в виду при этнографическом изучении религии в современных условиях, ибо внимание этнографии к ней, как и к ее антиподу — атеизму, находится в непосредственной зависимости от их воздействия на ход этнических процессов. Следует также учитывать, что это воздействие проявляется прежде всего на бытовом уровне, в сфере общественной психологии. Тем самым обусловлена «избирательность» этнографического изучения религии: для этнографа существенны не столько религиозные учения и догмы, сколько бытовой уровень религии, прежде всего религиозное поведение, в том числе обусловленное различного рода суевериями.

Вообще необходимо особо подчеркнуть, что стереотипы поведения являются весьма показательными в этническом отношении компонентами обыденного сознания, а соответственно и бытовой формы культуры. При этом этническую специфику можно обнаружить в самых разнообразных шаблонах поведения, от трудовых приемов до правил этикета. Определенную, специфическую для каждого этноса окраску имеют и многие из

²² Подробнее см. Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР. — СЭ, 1975, № 1.

²³ См. «Современные этнические процессы в СССР», с. 424—425.

таких сложных социально-психических образований, как ценностные ориентации, социальные установки, идеалы, нормы поведения, убеждения, интересы и т. п. Внимание этнографов, изучающих высокоразвитые общества, ко всем этим компонентам психики представляется тем более важным, что наряду с художественной культурой именно психика представляет одно из главных современных убежищ этнической специфики. К тому же как раз в этой сфере в нашем обществе произошли кардинальные перемены. Ранее свойственные главным образом рабочему классу интернационалистские взгляды и нормы межнационального общения в результате победы социализма, создания идейно-политического единства советского общества распространились в массах всего советского народа, стали общесоветскими, присущими всем классам и социальным слоям всех наций и народностей СССР. За годы Советской власти глубокие изменения претерпели такие сферы общественного сознания, как мораль и правовые взгляды; советские нормы морали и права все глубже проникают в сознание народных масс.

Все это делает настоятельно необходимым усиление нашего внимания к проявлению этнических процессов в сфере общественной психологии. К сожалению, в ее этнографическом изучении сделано еще очень немного. Лишь в самое последнее время стали предприниматься первые шаги по конкретному исследованию этнического своеобразия современных ценностных ориентаций у отдельных народов нашей страны²⁴.

На начальной стадии находится также исследование этнического самосознания, в том числе установок на межэтнические контакты²⁵. При дальнейшем разворачивании работ по изучению этнического самосознания необходимо включить в сферу конкретного анализа и такие его составляющие, как этнические стереотипы и автостереотипы, в том числе характерные представления об исторических традициях, общности исторических судеб и происхождении своего этноса.

Преодоление трудностей, стоящих на пути изучения этнических аспектов массового обыденного сознания и общественной психологии, возможно лишь на основе тесного сотрудничества представителей всех заинтересованных в таких исследованиях научных дисциплин. Но при этом, очевидно, этнографы не должны ожидать, пока данной проблематикой займутся социальные психологи, а последние — надеяться на разворачивание этнопсихологических исследований в рамках этнографии. Впрочем, в настоящее время исследование отдельных этнопсихологических явлений ведется главным образом в рамках этносоциологии современности. И не исключено, что именно здесь находятся истоки нашей будущей этнопсихологии.

Значительные трудности стоят на пути этнографического изучения так называемой соционормативной культуры современных высокоразвитых обществ. Это прежде всего связано с тем, что большинство социальных институтов, традиционно изучавшихся этнографами, в подобных обществах совсем или почти полностью отсутствуют (таков, например, институт общинной общины). Пожалуй, из всех социальных институтов,

²⁴ См.: Л. М. Дробижева. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (По материалам исследований в Татарской АССР).— СЭ, 1971, № 3; Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования).— СЭ, 1972, № 3; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР», и др.

²⁵ В. И. Козлов. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2; Л. М. Дробижева. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (Некоторые вопросы методологии).— СЭ, 1974, № 4; И. Н. Хабибуллин. Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Пермь, 1974; Г. В. Старовойтова. К исследованию этнопсихологии городских жителей (По материалам опроса населения трех городов Татарской АССР).— СЭ, 1976, № 3.

издавна находившихся в поле зрения этнографической науки, она применительно к современности сохраняет наиболее прочные исследовательские интересы в отношении семьи. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что в структуре семьи, в семейном быту, в семейно-брачных отношениях до сих пор имеется немало этнически специфического; во-вторых, тем, что семья и в высокоразвитых обществах остается важнейшей микроячейкой воспроизводства этноса. Этим двум факторам соответствуют два основных аспекта этнографического изучения семьи. Что касается структуры современной семьи и семейного быта, то в этой сфере за послевоенные годы в этнографической литературе накоплен обширный фактический материал. Однако сравнительный анализ этого материала только начинается²⁶. Недостаточно изучена и роль современной семьи в воспроизводстве этносов. Исключения представляют лишь национально-смешанные семьи, применительно к которым специально исследовалось формирование этнического самосознания у выросших в таких семьях подростков²⁷. Думается, что одна из насущных задач дальнейшего этнографического изучения современной семьи — раскрытие этнической стороны происходящих в ней процессов социализации личности.

Разумеется исследование социальных ячеек современных этносов должно вестись этнографами в тесном сотрудничестве с социологами. И немалую роль в этом призваны сыграть этносоциологи. Об их задачах, касающихся изучения современности, в общей форме речь уже шла выше. Поэтому здесь подчеркнем лишь, что среди таких задач одна из важнейших — изучение происходящего в нашей стране процесса сближения социальных структур этнических общностей; ведь процесс этот, как известно, представляет весьма существенный аспект формирования однородной социальной структуры новой исторической общности — советского народа²⁸.

Этносы, как известно, — сложные динамические системы, отличающиеся друг от друга не только своими определенными свойствами, но и масштабами. Изучением этих параметров занимаются две пограничные дисциплины — этнодемография и этногеография. В последнее время они получили у нас заметное развитие, в том числе в области изучения современности. Однако в свете материалов XXV съезда КПСС и здесь необходимо значительно расширить круг исследований, еще более актуализировать их проблематику.

На XXV съезде КПСС, в докладе Л. И. Брежнева, было особо подчеркнуто значение изучения проблем народонаселения и окружающей среды. Это указание имеет самое непосредственное отношение к этнодемографии и этногеографии. Необходимо, в частности, включиться в комплексную научную разработку экологических проблем. Как отмечалось в партийной печати, «ныне интенсивно формируется новое направление исследований, носящее комплексный и „стыковой“ характер и призванное изучать возникающие проблемы во взаимодействии общества с природой на мировоззренческом, теоретическом, прикладном и техническом уровнях»²⁹. Весомый вклад в такие исследования призваны внести этнографы и ученые смежных специальностей.

²⁶ О. А. Ганцкая. Этнос и семья в СССР. — СЭ, 1974, № 3. См. также «Современные этнические процессы в СССР», с. 430—457.

²⁷ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике. — СЭ, 1965, № 6; Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3.

²⁸ См.: Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева. Социально-культурное развитие и сближение наций в СССР на современном этапе. М., 1972; «Современные этнические процессы в СССР», с. 119—134.

²⁹ Г. Волков. «Экологический кризис» и социалистическое природопользование. — «Коммунист», 1976, № 12, с. 42.

Как видим, этнограф, изучающий современные этнические общности, должен иметь в поле своего зрения самые различные их параметры — от экономики до психологии, весь образ жизни современных народов, их взаимоотношения с окружающей средой. При этом необходимо учитывать не только динамичность традиционного слоя такого рода параметров, но и то, что выполнение этнических функций отдельными инновациями в образе жизни может быть связано как с превращением последних в «объективные» свойства этноса в результате непосредственного, как бы неосознанного усвоения их основной массой его членов, так и с воздействием на «субъективную» сторону этноса, т. е. этническое самосознание. Весьма существенно иметь в виду и то, что при рассмотрении межэтнических отношений на любом уровне (как на уровне различных социальных групп, в том числе наций, так и на личностном уровне) этническая специфика обычно проявляется сама собой, ибо фактически все время сопоставляется несколько этносов (по крайней мере два). Это же имеет место и при анализе некоторых компонентов этносов, в которых как бы естественно заложено подобное сопоставление (билингвизм, этническое самосознание и т. п.). В таких случаях исследователю не надо предпринимать дополнительных усилий для выявления этнической специфики. Этим в значительной мере и объясняется тот факт, что сейчас, когда этнографы вплотную стали заниматься изучением современных этнических процессов, именно анализ явлений, явно имеющих межэтнический характер, неуклонно приобретает все больший удельный вес в этнографическом изучении современности.

При изучении же отдельных этносов самих по себе, так сказать изнутри, очень часто этническое своеобразие их компонентов оказывается как бы в скрытом состоянии. Это особенно характерно для современных этнических общностей, в которых, как уже говорилось, этническая специфика все более перемещается в сферу духовной культуры, в сферу психики.

Отсюда вытекает одна из важнейших методических установок этнографического изучения отдельных современных этнических общностей: необходимость сравнительного анализа их компонентов, в первую очередь тех, этническая специфика которых сама по себе недостаточно очевидна. Особенно это важно, когда исследователь (да и читатель) относится к тому этносу, который выступает объектом изучения. В таком случае большинство компонентов этноса часто представляется лишенным всякой специфики. В этой связи нельзя не вспомнить афоризма одного из старейших советских этнографов, Л. Я. Штернберга, который гласит: «Тот, кто знает лишь один народ, не знает ни одного». Этот афоризм, может быть в несколько гиперболизированной форме, указывает на необходимость сравнительно-исторического подхода в этнографическом изучении народов. Остается в данной связи лишь заметить, что для выявления действительной этнической специфики недостаточно сопоставлений между пространственно отдаленными этносами, а необходимо сравнение данных, относящихся к изучаемому этносу и его непосредственным соседям; иначе неизбежна опасность принять специфику, характерную для группы соседних этносов, за отличительные черты одного из них.

Таким образом, как мы могли убедиться, изучение современных народов промышленно развитых стран требует от этнографов несколько особого подхода, особой методики. На такое изучение недопустимо механическое перенесение тех представлений о предмете и методах этнографии, которые сложились применительно либо к отставшим в своем развитии народам, либо к архаическим компонентам культуры.

Но особый подход к этнографии современности предполагает не только перемещение исследовательских зон и использование новой методики, но и большую психологическую перестройку самих исследователей, глубокое понимание ими сущности и неизбежности всех этих перемен,

ломку традиционных представлений о профиле этнографических исследований. Эта перестройка как в объективном, так и в субъективном плане, несомненно, уже происходит, о чем свидетельствует ряд вышедших и подготовленных работ. Необходимо, однако, проводить ее в дальнейшем более планомерно и организованно, в частности сделать соответствующие выводы при планировании исследований.

Наряду с особыми научно-познавательными задачами перед этнографией современности стоит немало прикладных задач. Их решение имеет существенное практическое значение и для дальнейшего культурного строительства, и для дальнейшей оптимизации межнациональных отношений в нашей стране. Но об этом нам уже не раз приходилось писать ³⁰. Поэтому отметим в данной связи лишь то, что неотъемлемым условием эффективности прикладных исследований является глубокая теоретическая разработка соответствующих научных проблем. Как сказал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, «нет ничего более практичного, чем хорошая теория» ³¹.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что понимание этнографии как науки об этносах не оставляет места для пессимистических представлений о прогрессирующем исчезновении ее предмета в современную эпоху. До тех пор, пока существуют народы, этнография сохраняет свой объект исследования, и не только как историческое прошлое, но и как живую действительность. Меняется лишь значимость различных зон предметной области этнографических исследований в соответствии с перемещением внутри нее этнической специфики; притом по мере общественного прогресса предмет этнографической науки усложняется, выдвигая перед ней новые познавательные задачи.

TOWARDS THE PROBLEM OF THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF MODERNITY

The author examines the theoretical problems that confront ethnographers in studying contemporary phenomena. He stresses that these studies presuppose not only a new methodology of research but a change in the psychological attitudes of the researchers themselves: traditional concepts of what ethnographic studies should have to be basically revised.

³⁰ См., например, Ю. В. Бромлей. Этнография на современном этапе.— «Коммунист», 1974, № 16, с. 68—70.

³¹ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 48.